

П. Н. Миллюков

Очерки по истории русской культуры
Часть 2. Церковь и школа

Москва
«Книга по Требованию»

УДК 93
ББК 63.3
П11

П11 **П. Н. Милюков**
Очерки по истории русской культуры: Часть 2. Церковь и школа / П. Н. Милюков – М.: Книга по Требованию, 2013. – 376 с.

ISBN 978-5-458-05012-8

В «Очерках» Милюков показал большую роль государства в формировании русского общества, утверждая, что Россия, несмотря на свои особенности, шла европейским путем развития, а также привёл свои доводы относительно приспособляемости русского «национального типа» к заимствованным общественным институтам. Полагая, что «существует ряд основных закономерных эволюций разных сторон социальной жизни», Милюков не считал возможным объяснять исторический процесс развитием производства или «духовным началом». Он стремился рассматривать единую историю как ряд взаимосвязанных, но разных историй: политической, военной, культурной и других. Первая часть исследования знакомит нас «с тем историческим зданием, в котором провел свою жизнь русский народ». Здесь изложены «общие понятия» об истории, её задачах и методах научного познания, определены теоретические подходы автора к анализу исторического материала, а также представлены очерки о населении, экономическом, государственном и социальном строе.

ISBN 978-5-458-05012-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2013
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2013

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

и бракъ 78—79.—Теорія Ивана Алексѣева 79—81.— Измѣненіе въ характерѣ споровъ между новымъ московскимъ центрами беспоповщины со второй половины XVIII в. 81—82.—Борьба за бракъ между Покровской часовней и Преображенскимъ кладбищемъ 82—85.—Раздвоеніе религіозной мысли вождей и одинаковость настроенія массы 85—86.—Попытки реставраціи беспоповщинскаго идеала: протестъ филипповцевъ противъ обмірщенія еодосѣвцевъ 86—87.—Протестъ страннической секты противъ двоедущія тѣхъ и другихъ 87—88.—Ученіе Евфимія 88—89. Новыя сдѣлки съ міромъ—его послѣдователей 89—90.—Итоги развитія беспоповщинской теоріи и результатъ этого развитія въ общей исторіи русской религіозной мысли 90—91.

- VІ. Развитіе русскаго сектантства 92—134.—Вопросъ о происхожденіи сектантства 92—93.—Общія формы религіозной эволюціи 93—94.—*Евангельское* христіанство и его видоизмѣненія на русской почвѣ XVI столѣтія 94—96.—Что знало правительство и общество этого вѣка о протестантствѣ 96—97.—Расширеніе этого знакомства для полемическихъ цѣлей въ первой половинѣ XVII в. («пренія о вѣрѣ») 97—98.—Протестантское вліяніе со стороны шведской границы 98—99.—Протестантскіе взгляды въ Москвѣ 99.—Кружокъ Тверитинова 99—101.—Ученіе Тверитинова 101—102.—Возникновеніе *духовнаго* христіанства въ Россіи; связь его съ беспоповщиной 102—103.—Квиринъ Кульманъ и преданія хлыстовщины 103—105.—Преобладаніе культа и слабость теоретической разработки ученія въ хлыстовщинѣ XVIII вѣка 105—106.—Распространеніе хлыстовщины 106.—Реакція противъ ея распущенности и происхожденіе скопчества 106—107.—Появленіе болѣе чистой формы духовнаго христіанства и его источники 108—109.—Сектантское ученіе Г. С. Сковороды 109—110.—Ученіе екатеринославскихъ духоборцевъ конца XVIII в. 110—114.—Уклоненія отъ строгаго духоборческаго ученія въ жизни и въ теоріи 114—116.—Компромиссъ духоборческаго ученія со старыми ученіями духовнаго христіанства и появленіе молоканства 116—117.—Дальнѣйшій компромиссъ въ ученіи «субботниковъ» 118.—Новый толчокъ къ развитію духовнаго христіанства въ царствованіе имп. Александра I 118—119.—Возбужденіе интереса къ сектантству въ интеллигентномъ обществѣ; кружокъ Татариновой 119—121.—Развитіе скопческой теоріи въ произведеніи камергера Еленскаго 121—123.—Развитіе хлыстовской теоріи въ ученіяхъ «лазаревщины» и Радаева 123—124.—Поднятіе духоборческой массы на уровень ея ученія 125.—Обновленіе евангельскаго христіанства посредствомъ штунды 125—126.—Двойственный характеръ ученія штунды: рационалистическіе, евангелистскіе и мистическіе элементы его 126—127.—Усиленіе этическаго, соціального и философскаго элемента въ ученіяхъ новѣйшаго сектантства 127—128.—Религіозно-философская система «новохлыстовъ» 128—130.—

Сравнительное значеніе старообрядчества и сектантства въ общемъ ходѣ развитія русской религіозной мысли 130—132.— Главная тенденція дальнѣйшаго развитія сектантства по сужденію противосектантскаго журнала 132—133.

- УІІ. Судьбы господствующей церкви 135—156.— Настроеніе паствы, не пошедшей въ расколъ 135—136.— Упадокъ приходскихъ выборовъ 136—138.— Установленіе наследственности духовныхъ мѣстъ 138—139.— Соціальное положеніе духовнаго сословія 139—140.— Образовательный цензъ духовенства 140—141.— Отношеніе государства къ церкви въ XVI и XVII вѣкѣ 141—142.— Теорія Никона и ея противорѣчіе дѣйствительности 142—143.— Потеря церковью ея старинныхъ привилегій 143—144.— Смысль уничтоженія патриаршества 144—145.— Развитіе полномочій оберъ-прокурора 146.— Соответствіе новой формы церковнаго устройства задачамъ русской церковной жизни 146—149.— Рѣшеніе вопроса о секуляризаціи духовныхъ имуществъ 149—150.— Состояніе ученія церкви: характеръ древнерусскаго богословія 150—151.— Вліяніе схоластическаго западнаго богословія 151.— Первый случай его примѣненія въ хлѣбопоклонной ереси 151—152.— Развитіе школьнаго богословія XVIII в.; противоположныя системы Стефана Яворскаго и Теофана Прокоповича 153—154.— Дальнѣйшая судьба богословской науки 154—156.

Очеркъ шестой. Церковь и творчество. 157—226

- I. Церковь и литература 157—188.— Современные остатки христіанской легенды 157—158.— Ея прошлое и вліяніе ея на западную литературу 158—161.— Незначительность ея вліянія у насъ въ древнѣйшій періодъ 161.— Живучесть эпическаго преданія и языческой старины 161—162.— Отношеніе церкви къ христіанской легендѣ 162—163.— «Калики-перехожіе»—проводники легенды въ народное сознаніе 163—164.— Связь развитія христіанской легенды на Руси съ развитіемъ обрядоваго благочестія 164—165.— XVI—XVII в.в., какъ время перваго усвоенія легенды народомъ (въ формѣ духовнаго стиха) 165.— Послѣдствія поздняго и неполнаго вліянія христіанской поэзіи на творчество 165—166.— Превращеніе духовнаго стиха въ раскольничій 166.— Совмѣщеніе христіанской легенды съ эпической стариной въ сознаніи народной массы 166—167.— Легкость реакціи противъ византійскаго міровоззрѣнія со стороны общества 167—168.— Исторія беллетристики, какъ показатель смѣны міровоззрѣній въ интеллигентной средѣ 169.— Византійско-эскетическое направленіе изящной литературы конца XVII вѣка («Великое зеркало») 169—170.— Смѣна «душеполезной» литературы «потѣшной» и «умильной» 170—171.— Появленіе сентиментализма и любовной лирики 171—173.— Условность въ содержаніи и формѣ литературы XVIII в. 174.— Неустановленность литературнаго языка XVIII в. въ сравненіи съ книжнымъ и дѣловымъ языкомъ предыдущей эпохи 174—176.— Постепенное

вытѣсненіе «славянщины» и «высокаго штиля» 177.—Новый литературный языкъ образованнаго общества 177—178.—Его сравнительная устойчивость 179—180.—Литературные вкусы средняго читателя XVIII в. 180—181.—Предѣлы вліянія литературы на жизнь съ точки зрѣнія сентиментализма 181.—Расширеніе этихъ предѣловъ поэзіей Пушкина 182—183.—Споръ съ Рылѣевымъ и «герои безвременья», какъ черты переходнаго состоянія литературы 183—184.—Возвеличеніе роли литературы философской критикой романтизма 184—185.—«Мнемозина», какъ первый манифестъ новой философско-романтической школы 185.—Практическіе выводы изъ философскихъ теорій 185—186.—Реализмъ и «соціальность», какъ новые лозунги литературы со стороны формы и содержанія 186.—Публицистическія задачи новѣйшей литературы и критики 186—187. Слишкомъ далеко или недостаточно далеко пошло сближеніе русской литературы съ жизнью? 187—188.

- II. Церковь и искусство 189—226.—Церковь и искусство на Западѣ 189—190.—Ходъ развитія западнаго искусства 191—192.—Состояніе христіанскаго искусства въ моментъ воспріятія его Западомъ и Россіей 192—193.—Дальнѣйшая судьба его на Руси 193.—Условія развитія христіанской архитектуры въ Россіи 193—194.—Вопросъ о происхожденіи особенностей суздальской архитектуры; московскіе соборы 194.—Византійскій куполь и русская «луковица» 195—196.—Деревянные параллели луковицы: «бочка» и «кубъ», «шатерь» 196—197.—Измѣненіе деревянныхъ формъ въ каменной національной архитектурѣ XVI в. 198.—Отношеніе церкви къ національному стилю въ XVII в. и его упадокъ 199.—Періодъ подражанія: вкусы заказчиковъ и стремленія художниковъ 200.—Возрожденіе національнаго стиля 200—201.—Русскій орнаментъ 201.—Отсутствіе скульптуры 201—202.—Древне-русская живопись 202.—Охраненіе византійскихъ типовъ и ремесленный характеръ ихъ воспроизведенія въ различныхъ «школахъ» русской иконографіи 202—203.—Первые признаки западнаго вліянія на иконографію 203—204.—Мѣры, принятыя Стоглавомъ, 204—205.—Составленіе «Подлинника» 205.—Развитіе самостоятельности художника въ составленіи сложныхъ иконъ 205—206.—Измѣненіе самыхъ пріемовъ иконописанія 206—207.—Появленіе свѣтской живописи при московскомъ дворѣ 207.—Полемика по поводу «живописнаго» письма 207—208.—Настроеніе художника конца XVII в. и признаки расцвѣта религіозной живописи 208—209.—Почему этотъ расцвѣтъ не осуществился? 209—210.—Періодъ подражанія и условности 210—211.—Сходство и различіе въ положеніи литературы и живописи 211—212. Появленіе заинтересованной искусствомъ публики и первый шагъ живописи отъ условности къ реализму (Брюлловъ) 212—213.—Реалистическія стремленія Иванова 213—214.—Русскій жанръ: переходъ жанра отъ сентиментализма (Венеціановъ) къ реальности и соціальнымъ те-

мамъ (Федотовъ) 214—215.—Шестидесятые годы въ искусствѣ и рѣшительная побѣда жанра 215 — 216.—Обличительная и реалистическая живопись (Перовъ и Рѣпинъ) 216 — 217.—Параллели изъ исторіи русской музыки: церковное пѣніе и народная пѣсня 217 — 218.—Первые шаги самостоятельнаго развитія русской музыки въ «демественномъ пѣніи» XVI в. 218.—Періодъ заимствованій 219.—Разница въ отношеніи публики къ заимствованной музыкѣ и къ заимствованной литературѣ 219—220.—Появленіе національнаго музыкальнаго стили (Глинка и «кучка») 220 — 222.—Періоды въ развитіи русскаго искусства и литературы 222—225.

Очеркъ седьмой. Школа и образованіе. 227—355

- I. Допетровская школа 227—242.—Разница взглядовъ на образованность древней Руси 227—228.—Грамотность стариннаго духовенства: совѣты Геннадія и рѣшенія Стоглаваго собора 228—229.—Результаты XVI вѣка 229—230.—Рѣшенія собора 1666—1667 гг. 230.—Къ потребности въ грамотѣ присоединяется потребность въ грамматикѣ 230—231.—Кругъ средневѣковыхъ «свободныхъ знаній» и программа православной школы начала XVII в. 231 — 232.—Воспитанники кievской академіи въ Москвѣ и полемика о пользѣ школы 232—233.—Первые попытки устройства школы въ Москвѣ подъ вліяніемъ «Преній о вѣрѣ» 233—234.—Возобновленіе этихъ попытокъ подъ вліяніемъ борьбы съ расколомъ 234—235.—Вопросъ о направленіи школы и полемика по этому вопросу между учениками Симеона Полоцкаго и Епифанія Славинецкаго 235—236.—Рѣшительная борьба за направленіе школы при царѣ Θεодорѣ 237—238.—Академія, какъ средство борьбы противъ религіознаго радикализма 239.—Греческіе учителя академіи и латинская наука 240.—Противодѣйствіе ей со стороны церкви и итоги борьбы за школу въ XVII вѣкѣ 240—241.
- II. Состояніе знаній въ допетровской Руси 243—268;—Математическія знанія: счисленіе 243—244.—Ариметика 244—245.—Геометрія (землемѣріе) 245—246.—Астрономія 246—247.—Смѣна византійскихъ космографическихъ представленій средневѣковыми 247 — 248.—Астрология 248 — 249.—Первые календари 249 — 250.—Естественно-историческія познанія: свѣдѣнія о звѣряхъ и птицахъ («физиологъ») 250 — 252.—Первые музеи 252 — 253.—Антропологическія познанія: гуморальная теорія четырехъ темпераментовъ 253 — 254.—Древнерусская медицина 254 — 255.—Первые лѣчебники 255 — 256.—Фармакопея («травники») 256.—Книжные источники народной мудрости 257—258.—Историческія знанія: всеобщая исторія (переводные хронографы и ихъ русскія передѣлки въ 1512 и 1617 гг.) 258—261.—Національная исторіографія: первая система русской исторіи 261—262.—Переходъ отъ лѣтописнаго изложенія къ прагматическому, отъ теологическихъ толкованій къ реальнымъ 262—263.—Словесныя знанія: буквари 264.—Грамматика 264—265.—Диалектика

- и реторика 265.—Отношеніе къ философіи 265—266.—Энциклопедіи древней Руси: «Азбуковникъ» двухъ видовъ 266—267.—Резюме 267—268.
- III. Исторія школы XVIII столѣтія 269—302.—Происхожденіе профессиональной петровской школы 269—270.—Первая сѣтъ провинціальныхъ школъ 270 — 271. — Статистика цыфирныхъ школъ и ихъ учениковъ 271.—Упадокъ цыфирныхъ школъ и сліянiе ихъ съ гарнизонными 271—273.—Положеніе епархіальныхъ школъ, ихъ статистика, превращеніе ихъ въ семинаріи 273 — 275.—Неудачная попытка создать народную школу при Петрѣ 275—276.—Задачи петровской школы: отсутствіе педагогической точки зрѣнія и общеобразовательнаго характера 276—277.—Профессиональность и сословность петровской школы 277 — 280. — Первая попытка устройства общеобразовательной школы (академическій университетъ и гимназія) 281—282.—Неудача этой попытки 282—284.—Попытка Шувалова — сдѣлать общеобразовательную школу сословной (дворянской) 284 — 285. — Слабый успѣхъ этой попытки 285 — 286.—Отношеніе дворянства къ школъ 286. — Новыя педагогическія идеи, усвоенныя Екатериной 286—288.—Ея попытка сдѣлать школу орудіемъ воспитанія (закрытыя заведенія, начало женскаго школьнаго образованія) 288 — 290. — Неудача воспитательной дѣятельности школы 290—291.—Устройство школы общеобразовательной и бессословной: система Янковича де-Миріево 292—294.—Мѣры къ ея осуществленію 294—295.—Отношеніе населенія къ школъ Екатерины 295 — 297.—Положеніе учителей 297—298.—Цифровые итоги развитія школьнаго образованія въ концѣ XVIII в. 299—300.—Проекты и попытки устройства низшей народной школы 300—301.
- IV. Исторія школы XIX столѣтія 303—355.—Общій характеръ этой исторіи 303—304. — Неполнота екатерининской учебной системы и систематическая реформа школы въ 1804 г. 304—305.—Средняя школа по уставу 1804 г. 305—306.—Происхожденіе университетовъ въ С.-Петербургѣ, Казани и Харьковѣ 307—309.—Положеніе профессоровъ по уставу и въ дѣйствительности 309 — 310. — Положеніе студентовъ: ихъ численность сравнительно съ другими учебными заведеніями 311.—Ихъ подготовка 312.—Новыя мѣры для подготовки профессоровъ 313. — Отношеніе общества къ гимназіи 313 — 314.—Переимѣна ея назначенія въ реформѣ гр. Уварова (1811—1817) 314—315. — Побужденія, вызвавшія общую реформу 1828 г. 316. — Планъ Шишкова 316—318.—Осуществленіе плана: по отношенію къ уѣзднымъ училищамъ 318; къ гимназіямъ (споры о ихъ программѣ, устройство пансіоновъ) 318—321; къ университетамъ 322—323. — Новые профессора и новая аудитория тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ 323—324.—Мѣры противъ переполненія высшей школы 324—325.—Переимѣны въ гимназической программѣ и ослабленіе классицизма въ

1849—1851 гг. 325—326.—Усиленіе контроля надъ университетами и профессорами 326—327.—Третья общая реформа школьной системы въ 1863—1864 гг.: ея приемы 328—329.—Университетская автономія по уставу 1863 года 329—330.—Полемика по вопросу объ устройствѣ учебной части и объ отношеніи университета къ студентамъ 330—333.—Полемика между защитниками классической и реальной школы 333—335.—Компромиссъ уставъ 1864 г. 335—336.—Новыя усилія сторонниковъ классицизма и гимназическая реформа 1871 г. 337.—Выработка университетскаго устава 1884 г. 338.—Цифровые итоги развитія высшаго, средняго и низшаго образованія въ учрежденіяхъ министерства народнаго просвѣщенія 339—341.—Исторія начальной школы XIX в.: приходскія училища уставовъ 1804 и 1828 гг. 341—342.—Первая сельская школа (у казенныхъ и удѣльныхъ крестьянъ) 342—343.—Усиленное открытіе школъ въ началѣ шестидесятыхъ годовъ и значеніе цифръ, показанныхъ вѣдомствами государственныхъ имуществъ и духовнымъ 343—344.—Постановка вопроса о народной школѣ въ полемикѣ по поводу реформы 1864 г. 344—347.—Переходъ завѣдованія начальной школой къ земству 347—349.—Цифровые итоги развитія земской школы 349—350.—Положеніе вопроса о всеобщемъ обязательномъ обученіи въ семидесятыхъ годахъ 351.—Усиленіе интереса въ школѣ грамотности и ея идеализація противоположными партіями 351—353.—Новая постановка вопроса о всеобщемъ обученіи 353—354.

Заключение 356—365

Разрывъ интеллигенціи и народа, какъ основная тема 2-й части «Очерковъ» 356—357.—Какъ не слѣдуетъ ставить вопроса о причинахъ разрыва? 357—358.—Какъ ставить этотъ вопросъ «Очерки» 358.—Роль вѣры на Западѣ и у насъ, какъ причина различія въ характерѣ разрыва 358—362.—Разница въ исторіи творчества, какъ слѣдствіе различія въ исторіи вѣры 362—363.—Разница въ положеніи школы, какъ слѣдствіе различія въ отношеніи церкви и государства 363—365.

Вмѣсто предисловія.

Вопросъ объ отношеніи «матеріальной» культуры къ «духовной».—Метафизическая точка зрѣнія и ея переживанія.—Научная точка зрѣнія.—«Экономическій матеріализмъ» и «субъективная школа» въ соціологіи.—Достоинства и недостатки экономического матеріализма.—Предѣлы экономического объясненія исторіи въ «Очеркахъ».—Народный характеръ—причина или слѣдствіе исторіи культуры?—Содержаніе второй части «Очерковъ».

Въ первой части «Очерковъ» мы познакомились съ тѣмъ историческимъ зданіемъ, въ которомъ провелъ свою жизнь русскій народъ. Мы произвели тамъ экспертизу этого зданія: смѣрили его размѣры, опредѣлили составъ и качество матеріала, употребленнаго на постройку; наконецъ, прослѣдили въ общихъ чертахъ самый процессъ, какимъ созидалась эта постройка, и старались отмѣтить особенности ея архитектурнаго стиля. Теперь намъ предстоитъ ознакомиться съ другой стороной дѣла: съ тѣмъ, какъ жилось въ этой исторической постройкѣ ея обитателямъ. Во что они вѣровали, чего желали, къ чему стремились? Словомъ,—какъ сложилась духовная жизнь русскаго народа, — вотъ вопросъ, къ рѣшенію котораго мы теперь переходимъ.

Но прежде всего насъ останавливаетъ здѣсь старинный и все еще не рѣшенный споръ о томъ, какъ относятся другъ къ другу эти двѣ стороны нашего предмета: одна, о которой говорилось въ первой части «Очерковъ», и другая, о которой мы поведемъ рѣчь теперь. Споръ этотъ съ новой силой возобновился въ русской печати именно въ послѣдніе годы, и высказать свое отношеніе къ нему, хотя бы вкратцѣ, намъ кажется совершенно необходимымъ, чтобы сразу оріентировать читателя и предупредить возможныя недоразумѣнія.

Относится ли, дѣйствительно, — какъ только-что сказано въ нашемъ сравненіи, — «матеріальная» культура къ «духовной», какъ стѣны зданія къ внутренней жизни его обитателей? Какъ сейчасъ увидимъ, уподобленіе это совершенно неточно; но оно можетъ оказать намъ ту услугу, что наглядно представитъ точку зрѣнія, съ которой обсуждался когда-то вопросъ о взаимномъ отношеніи матеріальной и духовной культуры. Внешняя, матеріальная обстановка—и внутренняя, духовная жизнь: чѣмъ связаны между со-

бою эти два, совершенно разнородные, предмета? И какъ ничтожна внѣшняя обстановка сравнительно съ развивающейся въ ней, болѣе или менѣе случайно, внутренней жизнью! Эта духовная жизнь не должна ли составить исключительный предметъ вниманія историка? И не есть ли внѣшняя обстановка—лишь жалкая шелуха, копать въ которой можетъ одно только праздное любопытство?

Такъ должно было разсуждать міровоззрѣніе, рѣзко отдѣлявшее духовное отъ матеріальнаго и ставившее первое неизмѣримо выше второго. Полемицировать съ этими разсужденіями было бы въ наше время анахронизмомъ. Не только откровенно-теологическое, но и откровенно-метафизическое доказательство преимущества «духовной» культуры передъ «матеріальной»—давно потеряло всякій кредитъ въ глазахъ людей, стремящихся къ достиженію научнаго знанія. Но старые предразсудки—живучи и обладаютъ свойствомъ возрождаться подъ новыми формами. На смѣну теологическихъ и метафизическихъ аргументовъ являются этические и «философско-исторические»; аргументація мѣняется, но цѣль ея остается все та же, что и прежде: по прежнему, цѣлью доказательства ставится—провести грань между пассивной, мертвой матеріей и живымъ, активнымъ духомъ. Правда, современное міровоззрѣніе уже не можетъ болѣе противопоставлять духовную культуру матеріальной: на ту и другую приходится одинаково смотрѣть, какъ на продуктъ человѣческой общественности, какъ она отразилась въ сферѣ человѣческой психики. Но это объединеніе, происшедшее въ понятіи о культурѣ, нисколько не мѣшаетъ возродиться старой антитезѣ матеріи и духа. Пассивная матерія является передъ нами вновь—въ видѣ кристаллизовавшихся продуктовъ культуры, окаменѣлыхъ формъ, созданныхъ процессомъ культурной эволюціи. Активный же духъ обнаруживается въ свободной инициативѣ отдѣльной человѣческой личности, разрушающей окаменѣлыя формы и создающей новыя. Надо признаться, что *эта* разница—между завершившимися и вновь возникающими историческими процессами—далеко не такъ глубока, какъ та качественная разница между матеріей и духомъ, которую проводило старое міровоззрѣніе. И тщетно было бы ожидать, что то, чего не удалось сдѣлать теологической и метафизической аргументаціи, въ состояніи совершить этическая фикція свободной воли, непрерывно вспыхивающей и погасающей, подобно электрической искрѣ, въ той точкѣ, гдѣ мысль превращается въ дѣло, гдѣ текущій моментъ становится прошлымъ.

Мы вполне присоединяемся къ мнѣнію, высказанному недавно, что за этическими и соціологическими аргументами «субъективной» школы въ соціологіи скрывается старая метафизика, и что, та-

кимъ образомъ, все это направленіе носитъ на себѣ несомнѣнную печать философскаго дуализма. Во имя требованій монизма мы готовы присоединиться и къ протесту противъ метафизической свободы «личности». Въ этомъ протестѣ противъ скрытаго дуализма ученія «субъективной школы» заключается, какъ намъ кажется, важная заслуга направленія, получившаго въ послѣднее время названіе «экономическаго матеріализма». Но вмѣстѣ съ принципиальной защитой монизма, съ которой мы не можемъ не согласиться, экономическій матеріализмъ сдѣлалъ попытку собственнаго монистическаго истолкованія исторіи, противъ которой приходится возражать. Монизмъ требуетъ строгаго проведенія идеи законмѣрности въ социологіи, но онъ нисколько не требуетъ, чтобы законмѣрное объясненіе социологическихъ явленій сводилось къ одному «экономическому фактору». Можетъ показаться, на первый взглядъ, что представленіе о явленіяхъ «духовной» культуры, какъ о «надстройкѣ» надъ «матеріальной», удовлетворяетъ тому спеціальному виду монизма, который называется философскимъ матеріализмомъ. Но намъ кажется, что для самаго «экономическаго матеріализма» связывать свою судьбу съ философскимъ матеріализмомъ и неудобно, и бесполезно. Неудобно — потому что философскій матеріализмъ есть одинъ изъ самыхъ плохихъ видовъ монизма; между тѣмъ, экономическій матеріализмъ вполне совмѣстимъ и съ иными монистическими міровоззрѣніями. Бесполезно же потому, что «матеріальный» характеръ экономическаго фактора есть только кажущійся: на самомъ дѣлѣ явленія человѣческой экономики происходятъ въ той же психической средѣ, какъ и всѣ другія явленія обществѣнности. Какъ бы мы ни объясняли явленія социальной среды, мы не можемъ, оставаясь въ рамкахъ социологическаго объясненія, выйти за ея предѣлы. А между тѣмъ, только за этими предѣлами открывается возможность свести «матеріальное» и «психическое» къ высшему единству, т. е. дать то или другое философское объясненіе. Желая объяснить *все* въ предѣлахъ собственной области и сводя объясненіе къ простѣйшему элементу, защитники экономическаго матеріализма, какъ намъ кажется, руководятся тѣмъ же побужденіемъ и совершаютъ ту же основную ошибку, какую совершали когда-то противники врожденныхъ идей. Изъ страха передъ теологическимъ или метафизическимъ объясненіемъ они отрицаютъ самую проблему, подлежащую объясненію, выбрасывая, такимъ образомъ, по нѣмецкой пословицѣ, *das Kind mit dem Bade*. Противники врожденныхъ идей игнорировали сложность психо-физиологической организаціи чело-вѣка и искусственно упрощали объясненіе душевной механики,

принимая за исходную точку—свою *tabula rasa*. Точно также противники свободной личности игнорируют сложность социальнопсихологической организации человеческого общества и превращают всю область социальных явлений в бѣлую доску, на которой экономическій опытъ безпрепятственно проводить первые штрихи. Ничто не мѣшаетъ намъ соглашаться съ противниками врожденныхъ идей и свободы личности и, въ то же время, не вѣрять въ ихъ черезчуръ наглядныя доказательства при помощи *tabula rasa*. Доказательства эти льстятъ всегдашней потребности человеческого ума—въ схематизмѣ и въ объединеніи опыта; но, въ ожиданіи строгаго научнаго объясненія, онѣ удовлетворяютъ этой потребности цѣною искусственнаго упрощенія подлежащаго объясненію факта. Въ этомъ смыслѣ, и экономическому материализму суждено сыграть важную, но временную роль. Его роль важна, какъ средство устранить изъ социологии послѣдніе слѣды метафизическихъ объясненій; но она временна, какъ и всѣ попытки подобнаго рода,

Всѣ эти предварительныя замѣчанія имѣютъ цѣлью показать читателю, что онъ можетъ найти и чего не долженъ искать въ продолженіи нашихъ «Очерковъ». Въ первой части «Очерковъ» мы отвели видное мѣсто экономическому фактору; даже самое значеніе политическаго фактора въ исторіи Россіи мы объяснили, какъ результатъ даннаго состоянія русской экономики при данныхъ условіяхъ внѣшней среды. Сторонники экономическаго объясненія исторіи могли бы ожидать, что и явленія духовной жизни русскаго народа мы будемъ объяснять при помощи матеріальныхъ условій быта,—особенно въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ такое объясненіе стало уже, болѣе или менѣе, обычнымъ, какъ, напр., въ исторіи раскола. Но, отказавшись выводить «духовное» изъ «матеріальнаго»,—точно такъ же какъ и противопоставлять одно другому,—мы тѣмъ самымъ уже поставили иную задачу для историческихъ объясненій «духовной» жизни. Можно, въ извѣстномъ смыслѣ, согласиться, что весь процессъ человеческой эволюціи совершается подъ вліяніемъ могущественнаго импульса,—необходимости приспособиться къ окружающей средѣ. Но отношенія человека къ окружающей средѣ не ограничиваются одной только экономической потребностью. Въ человеческой психикѣ отношенія эти являются настолько уже диффицированными, что историкъ приходится отказаться отъ всякой надежды—свести всѣ ихъ къ какому-то первобытному единству. Ему остается лишь слѣдить за параллельнымъ развитіемъ и дальнѣйшимъ дифференцированіемъ—многообразныхъ сторонъ человеческой природы въ доступномъ его наблюденіямъ періодѣ социальнаго процесса. Составляя